
Ольга
ИГОНИНА
ДИАГНОЗ:
РАЗВОД (не) ИЗБЕЖЕН!

Ольга Игонина

Диагноз: Развод (не) избежен!

«Автор»
2026

Игонина О.

Диагноз: Развод (не) избежен! / О. Игонина — «Автор», 2026

- Лер, это не то, что ты думаешь! Я потом тебе все объясню. Сама понимаешь, сейчас счет идет на минуты!Муж отворачивается от меня.- Не то? - я киваю на коридор, где только что скрылась девушка в мятом платье и со стрелкой на колготках. - Тогда что? Плановая консультация в ночную смену?- Я должен думать о другом! Если я сейчас я ошибусь, твой пациент умрет. Понимаешь? - он стоит у раковины, смывая чужую помаду перед операцией. - Я потом тебе все объясню. Я я не знал, что ты приедешьЭтой ночью я привезла в больницу тяжелого пациента и нашла своего мужа, хирурга, в ординаторской с другой женщиной.Я спасла чужую жизнь, но наш брак уже не спасти, только развод!

© Игонина О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1 6
2 9
3 11
4 13
5 15
6 17
7 19
8 22
9 24
10 26
11 28
12 30
13 32
14 34
15 36
16 38
17 40
18 42
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Диагноз: Развод (не) избежен!

1

- В семерку едем, - кричу Сергеевичу - нашему водителю. - Игорь сегодня на смене, он его вытянет с того света!

Мчим с аварии, лобовое.

Сирена воет протяжно, разрезая ночную мглу, но я уже не слышу её так остро, как в начале смены. Уши заложены от усталости, от постоянного гула мотора, от собственных мыслей, которые кружатся в такт дворникам, смахивающим мокрый снег с лобового стекла.

- Ну, как он? Держится?

- Давление падает, пульс не держится, - моя напарница Дарья Юрьевна, постоянно сверяет показатели с аппаратов

Мы въезжаем на территорию больницы, третий корпус, приемный покой.

Сюда мы всегда привозим самых тяжелых. Здесь я знаю здесь каждый выступ на плитке, каждую выбоину на ступеньках.

- Ургентный звонок? - смотрю на врача, чтобы она подтвердила мои догадки.

- Лер, ты, как всегда, кипишуешь! Давление же держит. Уже десять минут, как можно сказать, стабильный.

В приемной очередь. Люди сидят на пластиковых стульях, кто-то держится за живот, кто-то кашляет в платок. Дежурный врач за стеклом регистратуры выглядит, как робот, который вот-вот перегреется. Он даже не смотрит на меня, когда я завожу карту.

- Принимайте, - говорю громко, чтобы привлечь внимание. - Забрали с ДТП. Острый живот, подозрение на перфорацию.

- Очередь, - бросает он, не поднимая глаз. - Ждите хирурга.

Я знаю эти правила, сама работаю в медицине больше десяти лет.

- Поняла, - киваю.

В этой больнице у меня всегда есть план “Б”. Бегу к лифту.

Нужно найти Игоря.

Два врача-медика в одной семье - похоже на стихийное бедствие. Это как два капитана на одном корабле, который постоянно штормит. Мы привыкли к этому ритму, научились не сталкиваться лбами, проходить мимо друг друга в коридорах жизни, оставляя записки на холодильнике и сообщения в мессенджере.

Но сейчас мне нужно его видеть.

Поднимаюсь на второй этаж. Ординаторская хирургического отделения находится в конце коридора. Я иду по знакомому линолеуму. Свет здесь приглушен, ночники горят только у постов медсестер.

Подхожу к двери ординаторской. Дергаю за ручку, дверь закрыта. Это странно. Обычно ночью она либо открыта, либо прикрыта, но не заперта на ключ. Врачи заходят сюда перекусить, проверить историю болезни, просто перевести дух.

Странно, если Игоря нет в приемной, нет здесь, может, в операционной?

Спускаюсь на пост дежурной медсестры. Молодая девушка, Катя, я видела её пару раз на дежурствах, печатает что-то на компьютере, экран освещает ее усталое лицо.

Она поворачивается в мою сторону, вижу, что узнает, кивает.

- Катя, здравствуйте. Игоря Петровича не видели? Он же сегодня по хирургии дежурит, не могу найти, а у мне бы его срочно увидеть. Два раза набирала, не берет.

- Здравствуйте, Валерия Сергеевна. Нет, не видела. Думаю, он в ординаторской документы пишет.

- Там закрыто. Я стучала. Может, на операции?

Тогда надо искать какой-то другой варианта пропихнуть своего пациента поскорее. Сердце чувствует, что время играет не на нас.

- Плановых нет, экстренных пока не завозили, я только что снизу поднялась, приемный покой никого из наших не вызывал.

- Пойдемте вместе потом, - она пожимает плечами, закрывает тетрадь и медленно встает из-за стола. - Может, спит? Я раньше в неврологии работала, так там один пожилой врач так храпел, что никто уснуть не могу. Утром потом вск, как медузы, один он бодренький, всем новые диагнозы раздает.

Подходим вместе к ординаторской. Я снова звоню Игорю. Из-за двери ординаторской, глухо, сквозь дерево, доносится мелодия. Его стандартный рингтон. Классическая музыка, Бах.

У меня подкашиваются ноги. Телефон внутри. Значит, он внутри. Или был внутри.

- Он там, - шепчу я. - Телефон там.

В голове начинают роиться страшные сценарии. Инфаркт? Инсульт? Он жаловался на давление на прошлой неделе. Я говорила ему: “Сдай анализы, сделай холтер”.

Он отмахивался, все для него ерунда. Врачи всегда самые плохие пациенты, они игнорируют симптомы до последнего, хоть и понимают последствия.

- Может, ему плохо стало? - говорю я вслух, и это звучит как приговор.

Катя бледнеет.

Сердце колотится где-то в горле. Я представляю картину: он сидит на диване, голову склонил, телефон выпал из рук. Или лежит на полу.

- Так, давайте паниковать не будем, у нас на пасту еще один ключ есть, секунду.

Ухо прикладываю к двери, никаких звуков. В голове самые страшные мысли.

Катя бежит к себе в пост. Я остаюсь одна у двери. Прислоняюсь лбом к холодному дереву. Тишина за дверью теперь кажется угрожающей. Раньше это место было нашим убежищем. Мы иногда прятались здесь на пять минут, чтобы просто выпить кофе молча, держась за руки. Теперь эта дверь отделяет меня от неизвестности. Я считаю секунды. Каждая минута задержки может стоить ему жизни. Я думаю о том, что не сказала ему сегодня утром. О том, что хотела предложить поехать в отпуск, хоть на неделю. О том, что мы давно не говорили ни о чем, кроме работы, графика и быта.

Смотрю на телефон, звонит Сергеевич.

- Лерка, ну ты куда пропала? Дарья Юрьевна тут ругается, чтобы мужика нашего скорее приняли.

- Пять минут, бегу уже.

Катя возвращается, дыша часто. В руке бренчит связка ключей.

- Вот!

Мы подходим к двери. Рука у меня дрожит, не могу вставить ключ. Катя видит это, забирает ключ у меня.

- Давайте я.

Щелчок замка так громко звучит в тишине коридора.

Я делаю глубокий вдох. Я готовлюсь увидеть худшее, его бездыханное тело. Готовлюсь начать реанимацию прямо здесь, на полу ординаторской.

Дверь поддается не сразу, словно кто-то держит её изнутри.

Катя тянет на себя, скрип петель режет слух. Здесь пахнет чем-то сладким, цветочным. Дешевые женские духи? Этот аромат мгновенно перебивает стерильный запах больницы, и мой мозг, обученный анализировать симптомы, выдает диагноз раньше, чем я вижу картинку. Это не запах смерти. Это запах чужой женщины.

Дверь почти распахивается. И в этот же момент из узкой щели, как черт из табакерки, в коридор выскакивает девушка. Она почти сбивает меня с ног, плечом ударяюсь о косяк.

На ней смятое платье, колготки со стрелкой на бедре. Она проскальзывает мимо, бормочет какое-то невнятное «извините», и её шаги быстро удаляются по коридору, переходя в бег. Стук каблуков эхом разносится по этажу, словно отсчет моего позора.

Замираю. Рука, которой я собиралась щупать пульс, медленно опускается. Адреналин, который секунду назад гнал кровь по венам, застывает льдом.

Внутри ординаторской полумрак. Свет горит только над столом. Игорь стоит у окна, спиной ко мне, его плечи напряжены. Он медленно поворачивается.

На нем рубашка, которую он судорожно застегивает.

- Лера… ты откуда здесь?

2

- Кать, я думаю, вам лучше уйти, - Игорь подходит к нам. - Лер, давай поговорим.

- Ургентный вызов... под вопросом, - я поднимаю руку, жестом останавливаю его.

Не хочу слышать сейчас ничего: ни объяснений, ни оправданий, ни лжи. В медицине есть понятие “неоперабельный случай”, когда опухоль проросла везде, когда метастазы во всех органах, когда резекция невозможна. Вот сейчас я смотрю на наш брак и понимаю: это неоперабельный случай. Ткань разрушена полностью.

Я смотрю на его руки, те самые руки, которыми он держал меня, которыми делал операции, которыми клялся в верности. Сейчас они трясутся, пытаясь скрыть наготу, скрыть суть.

- Телефон, - говорю я. Голос звучит чужим, плоским.

Он машинально тянется к столу, где наращивая звук, поет его смартфон. Экран светится моим именем. Звонок сброшен.

- Я… я не знал, что ты приедешь, - говорит он, как же странно сейчас звучит эта фраза.

- Ты не знал, что я привезу пациента? Или не знал, что я пойму, что ты не на операции? - спрашиваю я. Не кричу, не истерю, у меня нет сил на это. Крик требует энергии, а я опустошена.

Катя стоит в дверях, прижав ладонь ко рту. В больнице нет секретов, через пять минут здесь будет знать весь этаж. Через день - вся больница.

- Катя! Займитесь своими прямыми обязанностями!

Пробегаю глазами по кабинету.

На старом диване смятая подушка. Чужая сумочка на стуле. Всё так банально. Так пошло. Я представляла себе измену иначе, где-то в командировке, в другом городе, где есть шанс не узнать. Но не здесь, у меня под носом.

Поворачиваюсь, иду к лестнице.

- Лера, стой! - его голос звучит в пустом пролете лестницы.

Я не оборачиваюсь. Ускоряю шаг, врываюсь в приемный покой. Здесь шумнее. Кто-то стонет в углу, санитарка моет пол, пахнет кровью и йодом. Подхожу к кушетке, где оставила пациента.

Ему заметно хуже. Лицо серое, покрытое липким холодным потом. Дыхание поверхностное, частое. Рука судорожно сжимает край простыни.

- Как давление? - спрашиваю у санитарки, которая возится рядом.

- Лер , нам пора ехать. Мы его сдали, теперь пусть больница мужчиной занимается. У нас снова вызов. С тобой все в порядке, ты такая бледная?

- Дайте мне одну минуту. - снова изменяю давление. - Дарья Юрьевна, шестьдесят на сорок. Пульс нитевидный.

В этот момент Игорь вбегает в приемный покой. Он уже застегнут, белая шапочка наспех надета на волосы. В его глазах нет ничего личного, хирург в режиме боевой готовности. Он подходит к кушетке, оттесняя меня плечом.

- Что случилось? - спрашивает он, уже накладывая пальцы на сонную артерию пациента.

- Давление упало, - отвечаю я автоматически. Голос ровный, я прячу дрожь внутри.

Игорь щелкает фонариком, смотрит зрачки. Скидывает одеяло, ощупывает живот. Пациент тихо стонет.

- Доскообразный живот, - бормочет Игорь. - Перитонит. Но почему так быстро?

Он смотрит на меня.

- Анамнез? - спрашивает он коротко.

- Забрали с ДТП, был в сознании, жаловался на боль в эпигастрии. Рвота была однократно.

Игорь кивает. Он берет стетоскоп, прикладывает к груди. Слушает. Его лицо каменеет.

- Аритмия. Тахикардия.

Он выпрямляется, смотрит на монитор, который только подключили. Кривая ЭКГ скачет, зубцы пляшут.

- Это не только живот, - говорит он тихо, но так, что слышит весь приемный покой. - Инфаркт задней стенки. Прободение язвы на фоне инфарта. Двойной удар.

В приемном тишина, это тот случай, когда медицина бессильна перед временем, каждая минута промедления - это отмершая ткань сердца,

- Нужна операционная, - командует Игорь, его голос звучит как сирена. - Срочно. Подготовьте вторую бригаду. Анестезиолога ко мне.

Все вокруг начинают двигаться. Суета становится организованной. Каталку выкатывают в коридор. Колеса гудят по плитке.

- Лерка, ты специалист от Бога. Ты правильно диагностировала транспортировку, - говорит он, не поворачивая головы. Голос глухой в замкнутом пространстве. - Если бы ты задержалась еще на десять минут, он бы не доехал.

Это похвала от мужа после измены - звучит, как издевательство.

- Сделала то, что должна.

- Да, - он выдыхает. - Ты спасла человека, Лерка.

3

- После операции, - говорит он в стену, глядя на свое отражение в кафеле. - Я позвоню.

- Зачем? - спрашиваю я. Мне не нужно его звонков. Мне не нужно объяснений, которые будут звучать, как оправдание. Любое слово сейчас будет ложью, покрытой стерильным слоем профессионализма.

- Чтобы рассказать, как прошло, - ставит росчерком свою подпись в журнале учета операций, лежащем на столе рядом. Это движение настолько привычное, домашнее, что меня передергивает. Он подписывает протокол спасения жизни, а рядом стоит женщина, чью жизнь он только что уничтожил. - И поговорить.

- О чем? - я чувствую, как внутри закипает холодная злость. - О том, кто она? О том, как давно? Или о том, как мы будем делить квартиру?

Вместо голоса вылетает одно шипение. Это я выдыхаю воздух, который вдруг стал слишком плотным для легких.

- О том, как нам жить дальше, - говорит он тяжело. Его плечи опускаются, будто на них повесили свинцовый халат. - Лер, я не прошу прощения сейчас. Сейчас я должен идти туда. - Он кивает в сторону массивной двери, за которой где-то там прячется операционная. - Если я сейчас буду думать о нас, я ошибусь. И он умрет. Ты понимаешь?

Я понимаю. Я знаю, что значит отключить эмоции, чтобы включить голову. Мы учились этому вместе. Мы практиковали это на себе годами. Но сейчас эта способность кажется мне не профессионализмом, а патологией. Как можно быть таким разным?

- Иди, - говорю я. - Спасай его.

Он делает шаг ко мне. Хочет коснуться плеча, но рука замирает в воздухе. Он опускает её. Пальцы слегка подрагивают.

Иду к своей бригаде, еле держусь на ногах, адреналин начал отпускать.

- Лера, у тебя точно все хорошо? - Ко мне подходит Дарья Юрьевна, она меня приобнимает, дает опору, поддерживает. - Мне кажется, мужчина на каталке более румяный сейчас, чем ты? Может, ты беременная? Может, тебе на больничный?

- Я точно не беременная, - говорю из последних сил. - Просто устала. И за столько лет на скорой, никак не привыкну и не очерствею. Поедем, нас ждут, тут уже без нас справятся.

Я разворачиваюсь и иду к выходу. Спускаюсь по лестнице, считая ступени, чтобы не думать о том, что оставляю за спиной. Выхожу на улицу. Воздух холодный, останавливаю, как будто мне не хватает объема легких, чтобы надышаться.

- Так, - Дарья Юрьевна снова включает командный голос, но в глазах у нее тревога. Она видит меня насквозь. - Сергеич, у любого кафе остановись, а то к утру у нас тут еще один пациент будет. Кофе и пончик в шоколаде, хочешь?

Я киваю. Мне нужно что-то сладкое, чтобы перебить горечь во рту. Сажусь в машину, смотрю в одну точку, ничего не могу с собой поделать. Ощущение, что меня вывернули наизнанку. Как будто все, что сейчас было - просто плод моего воображения, галлюцинация от недосыпа. Но запах тех духов все еще стоит у меня в носу. Он въелся в мою одежду, в мою кожу.

Быстро покупаем кофе. Бумажный стаканчик жжет ладони. Едем по вызовам. Город просыпается. Мимо проносятся серые дома, светофоры, люди, спешащие на работу. Они не знают, что мой мир только что рухнул. Для них это обычное утро. Для меня - день после апокалипсиса.

Я работаю на автомате. Давление измерить, вену найти, карту заполнить. Дарья Юрьевна не лезет с расспросами, она просто прикрывает меня, берет на себя общение с родственниками. Сергеич молча водит машину, иногда поглядывая на меня в зеркало заднего вида. Они знают.

Конечно, они знают. В нашей сфере новости разносятся быстрее вирусов. Но они молчат. Это лучшая поддержка, которую они могут оказать.

Через три часа снова звонок. Телефон лежит на панели, вибрирует, подпрыгивая на пластиковой поверхности. Смотрю на номер, не помню такого. Поднимаю трубку. Голос дрожит, хотя я стараюсь держать его ровно.

- Валерия Сергеевна, это Катя. - Это та медсестра, которая открывала дверь. - Я вам звоню, чтобы сказать, что я никому не скажу, то видела, я вам просто клянусь. Мне так стыдно…

- Катя, - перебиваю я. - Мне все равно. Спасибо.

- И то, что Игорь Петрович работает, - продолжает она, игнорируя мое желание закончить разговор. - Он просил сказать, что сердце не держит. Но знаете, как ваш муж за него бьется… кажется, если этот мужчина погибнет, вы Игоря никогда не простите.

Я не отвечаю. Просто кладу трубку. Закрываю глаза. Представляю, что там происходит: зажимы, швы, дефибриллятор. Он там один на один со смертью.

Интересно, а что я должна простить? Если случится самое страшное - я знаю, что Игорь хороший хирург, может, лучший в их больнице, но он не Бог. Он не может спасти всех.

А если то "тайное", что стало мне известно, там и прощения не может быть. Диагноз - развод, и так все ясно. Нет смысла тянуть резину, делать биопсию чувств, когда опухоль уже дала метастазы во все органы. Доверие мертво.

Телефон вибрирует в кармане. СМС от Игоря: "Жив, стабилизировали. В реанимацию отправили".

4

Игорь.

- Лера, я за тобой сейчас заеду, - звоню ей, как обычно. Уже много лет, я забираю ее после работы. А сегодня чувствую, что надо сначала согласовать приезд.

- Не надо. Я уже со станции уехала, - Жена разговаривает со мной, как будто я совершенно чужой человек.

- Да, брось.

Лерка бросает трубку. Конечно, обиделась, раздула из мухи слона.

Еду домой, останавливаюсь на парковке. У меня есть время, чтобы придумать легенду, чтобы настроить себя на нужный лад.

Тру лицо, чтобы согнать усталость, чувствую щетину.

Я закрываю глаза и снова вижу ту картину. Ординаторская, только вернулся после обхода. НА столе кипа документов, надо посмотреть истории болезней.

И тут заходит Марина, наша новая сотрудница, будущий хирург. Работает на четверть ставки, совмещает работу и последний год учебы. Красотка неимоверная, манкая, уверенная в себе.

- Игорь Петрович, мне так страшно, - прошептала она тогда. Подошла сзади, положила ладонь мне на спину. От прикосновения я вздрогнул. - Я не справлюсь, я была на вашей прошлой операции, я никогда так не смогу. Вы же просто Вселенной поцелованный!

- Марина, вы, конечно, преувеличиваете, но, да, опыт и навыки у меня есть.

А потом как-то получилось само собой. Я обнял ее, просто чтобы успокоить. Но тело отреагировало иначе, но это не любовь или заинтересованность, просто сбой системы. Накопительный эффект стресса.

Работаю почти без отпуска. Семь лет, мы с Лерой видимся урывками, когда секс планируется между дежурствами, как визит к стоматологу. Это физиология. Химия. Момент слабости, как аритмия у здорового сердца. Один внеочередной импульс, но такой важный, такой приятный. Вот эта необузданность, яркость, какая-то дикость в этой красотке напомнили мне, что я мужик.

Я набираю воздух в легкие, нужно решить, как действовать.

Вариант первый: признать вину и просить прощения. Но это откроет ящик Пандоры, вопросы: “Как давно?”, “Кто она?”, “Любишь ли ты ее?”.

На эти вопросы нет правильных ответов. Любой ответ будет скальпелем, который разрежет нашу жизнь на куски, если я скажу правду, она уйдет. Я знаю Леру, она максималист, для нее нет полутонов - либо все, либо ничего.

Если я признаю измену, я признаю, что наш брак сломанным. А я не могу допустить этого.

Вариант второй: молчать. Сделать вид, что ничего не было. Списать все на ее воображение, на стресс, на галлюцинации от недосыпа.

“Тебе показалось, Лер. Там была медсестра, мы обсуждали пациента”. А то, что ты видела, так это последствия усталости - шею защемило, Марина помогла снять спазм.

Если я буду вести себя обычно, если я буду заботлив, если я накормлю ее - она проглотит это, выберет покой. Мы оба слишком устали для войны, просто продолжим жить. Потом через неделю, через месяц, когда эмоции улягутся, я смогу все объяснить. Или это рассосется само, как гематома.

Я выключаю двигатель. Тишина в салоне давит на уши.

- Все будет хорошо, - говорю я вслух. Голос хриплый. - Мы справимся, мы же врачи и знаем, как лечить раны.

Я выхожу из машины. Подъезд встречает запахом сырости и чужих обедов.

Снимаю куртку, иду на кухню. Нужно создать уют, придумать декорацию нормальной жизни. Если декорации будут убедительными, “актерам” легче вживаться в роли.

Включаю кофемашину. Зерна шумят, перемалываясь, запах кофе - самый домашний запах в мире. Он перебивает запах больницы, запах хлорки и тот сладкий цветочный аромат, который теперь преследует меня, как призрачный шлейф.

Достаю хлеб, сыр, ветчину. Режу аккуратно, бутерброды должны быть идеальными. Как швы. Ровными, незаметными.

Я накрываю на стол, два прибора, две чашки.

Звук ключа в замке заставляет меня вздрогнуть. Дверь открывается, входит Лера.

Она выглядит так, будто прошла через мясорубку. Форма помята, волосы собраны в небрежный пучок, из которого выбились пряди. Она не смотрит на меня, взгляд в пол. Снимает обувь медленно, опираясь рукой о стену.

- Привет, - говорю я. Голос стараюсь сделать мягким, будничным. - Я кофе сварил, будешь?

Она кивает, но не отвечает. Проходит на кухню, садится на стул. Обхватывает чашку ладонями.

Я ставлю перед ней тарелку.

- Поешь. Ты сегодня ничего не ела.

- Не хочу, - говорит она тихо.

- Лер, надо. У тебя еще день впереди, хочется ее обнять, сам накосячил, вот и стыдись.

- Отгул взяла, - отвечает она.

Я чувствую, как напряжение в комнате сгущается, становится вязким.

- Пациент жив, - говорю я. Нужно заполнить тишину безопасными словами. Профессиональными. - Сердце держит. Мы его вытащили. Ты правильно его привезла. Без тебя бы не успели. Лера, ты просто ангел-спаситель, я не знаю, как ты Сергеича уболтала к нам его привезти.

Лера поднимает глаза.

- Да, - говорит она. - Мы спасли человека.

- Вот видишь, - я пытаюсь улыбнуться. Улыбка получается натянутой. - Главное - это жизнь. Все остальное… вторично.

Я жду. Жду, что она спросит про ординаторскую. Жду, что бросит чашку, закричит, выгонит меня. Я готов к защите, готов оправдываться, лгать.

Но она молчит. Отпивает кофе. Ставит чашку на стол. Звук фарфора о дерево звучит слишком громко.

- Я пойду в душ, - говорит она. Встает.

- Лер, может, поговорим? - я делаю шаг к ней.

Она останавливается. Не оборачивается.

- Потом, Игорь. Я очень устала.

- Хорошо, - выдыхаю я. - Иди.

- Давай, когда я выйду, тебя с вещами в этой квартире уже не будет.

5

- Лер, - голос Игоря из спальни.

Он сидит на краю кровати.

- Тебе помочь собрать вещи? - смотрю на него, не понимаю, почему он здесь.

- Лер, - начинает он. - Ты остыла? Тебе не кажется, не очень справедливо, что я должен уйти. Меня все устраивает. И не понимаю, что ты завелась! Что такого произошло, что ты на меня вот так волком смотришь?

Я останавливаюсь в дверях, скрещиваю руки.

- Почему ты должен уходить? - спрашиваю я. - Ты сидишь здесь, ждешь. Я сказала, чтобы тебя не было. Но ты сидишь, значит, ты думаешь, что я передумала. Почему ты должен уходить, Игорь? Что такого я увидела?

Я делаю шаг вперед, вхожу в комнату. Свет падает на мое лицо, и я вижу, как он напрягается.

- Лер, ну зачем ты накручиваешь? - он встает, делает шаг навстречу, но останавливается, видя мой взгляд. - Ты сама себя накрутила. Усталость, нервы, скорая, ночь. Мозг ищет угрозу там, где её нет.Я все понимаю, думаю, я бы и сам так отреагировал поначалу. А потом бы мозгами пораскинул, понял, что это только плод моего воображения. Так и у тебя, я не в обиде, даже немного приятно, что обо мне так печешься. Да и что приревновала тоже, я ж мужик, а не только хирург. А ты мне об этом напомнила.

- Угрозу? - повторяю я. - Или факт? Я все придумала? И даже не сомневаюсь, что Катя может подтвердить твои слова, рабу ей вряд ли хочется менять.

- Фактов нет, - он разводит руками. Жест широкий, открытый. Ложь должна быть масштабной, чтобы в неё поверили. - Я тебе сам расскажу, как все было. Ты видела Марину, она наша практикантка. Ей стало плохо, я её в коридоре поймал. Так крутанулся, что шею защемило, вот сначала я ее доволок, а потом она меня лечила. Смотри, - он делает вид, что поворачивает голову. - Не поворачивается до сих пор. А ты, наверное, думала, что мы на кушетке кувыркались?

Он расплывается в улыбке, смотри, какой я, какую версию придумал!

- Ну, на такой кушетке, как ваша, я удивляюсь, что ты себе шею не свернул. И пигалица твоя слишком резво вскочила, чтобы быть больной. Ну ладно, это все лирика. Ты жив и здоров, я в этом убедилась. А то, дура, боялась, что с тобой что-то случится. Вернее, случились потрахушки, прости, что помешала. Но теперь ты свободен!

- Конечно, Марина споткнулась, когда выбегала, испугалась тебя. Рубашку застегнул, потому что было холодно в ординаторской. Телефон не слышал, ты же знаешь, у меня звук повырастающей, омжет, слишком рано скинула звонок? Я услышал, только когда ты позвонила второй раз, - он тараторит. Версии сыплются одна за другой. - Лера, ты же врач. Ты знаешь, как бывает. Стресс, аффект. Мы не святые. Но измены не было. Понимаешь? Не было.

- Да, любимая, ты же умная женщина придумай версию, чтобы сама в нее поверила, - стараюсь улыбнуться, но это больше похоже на оскал.

Я смотрю на него. И в этот момент мне становится физически больно. Не от ревности, а оттого, что он считает меня дурой.

Для него проблема не в том, что он предал. Проблема в том, что я это увидела, если бы я не увидела, всё было бы хорошо.

- Все понятно, я враг номер один теперь. Ты хочешь верить в худшее, - говорит он. - Тебе так проще. Обвинить меня, чем признать, что ты просто устала и ошиблась.

- Ошиблась? - я киваю. - Да. Я ошиблась. Я ошиблась, когда подумала, что ты честный человек. Я ошиблась, когда подумала, что у нас есть доверие.

- Доверие есть! - он повышает голос. - Просто ты сейчас не в себе. Лер, давай спать. Завтра голова будет свежая.

- Завтра, - повторяю я. - Завтра будет то, что будет.

Я прохожу мимо него к шкафу. Выдвигаю ящик. Беру свою подушку.

- Ты куда? - он нервничает. - Лера, не уходи. Мы же можем поговорить.

- Мы говорим, - отвечаю я. - Ты говоришь, что черное - это белое. Я говорю, что вижу черное. Мы не договоримся. Игорь, дело не в том, что было в ординаторской. Дело в том, что ты сейчас стоишь здесь и врешь мне в глаза. Ты думаешь, я глупая? Ты думаешь, я не отличу запах секса от запаха страха?

.- Я пытаюсь сохранить семью! - выкрикивает он.

- Семью нельзя сохранить на лжи, - говорю я. - Это как шов на гнойной ране. Сверху красиво, внутри - сепсис.

Накидываю куртку.

- Ты куда? - Игорь становится посреди дороги.

- Я буду спать в машине, пока ты не уберешься отсюда, не хочешь по-нормальному, все будет через суд.

Драгоценные мои! Спасибо, что читаете и переживаете героям.

Пожалуйста, если вам нравится история, не поленитесь добавить ее в библиотеку и поставить "звездочку", это очень важно для меня.

От всей души благодарю за ваш отклик, обняла и закружила)

6

- Лера, как вы? - спросонья не понимаю, что мне звонит. - Простите, это Катя. Я понимаю, что лезу не в свое дело, но мне кажется, что вам нужно плечо и поддержка.

- Кать, спасибо. Наверное, мне легче от ваших слов. Я сегодня живу в машине, не могу пока понять, что и как . Мне надо день, чтобы взять курс на новую жизнь.

- Он вас выгнал? - кажется, искренне переживает.

- Почему же, -усмехаюсь, перевожу взгляд на подъездную дверь. Рядом с ней на лавке сидит Игорь, смотрит на меня, машет рукой. Придурок. Он показывает на мю термокружку, видимо, ждет, что я возьму из его поганых рук хоть что-то.

- Я вам сейчас скину свой адрес, не хоромы, но и не на улице жить. Все равно я постоянно на смене, сейчас подработку беру, чтобы к лету на отпуск скопить.

Через минуту приходит сообщение, в нем адрес. Можно стирать, все равно никуда я не поеду. Я таким же успехом могу на станции у нас жить. А может, тоже смен побольше взять.

Игорь стучит в окно, опускаю нажатием одной кнопки.

Шея затекла. Глаза красные, веки как наждак. Посмотрела на себя в зеркало заднего вида и не узнала. Какая-то чужая женщина с опухшим лицом и сожжённой изнутри душой.

- Слушай, ну я понял, что ты как ослица упрямая. Ну кому ты лучше сделаешь, вон уже на бомжа становишься похожей. Потом мыться будешь в водохранилище? А еще врач, гигиену когда-то проходил.

- Кто бы говорил... Я в квартиру зайду, только когда от тебя там даже духу не останется.

Завожу машину.

- Ладно, я сегодня съеду. Ну вот, ты меня теперь ненавидишь, а куда своих чахликов привозить будешь? В тройке для всех, кто тяжелее орви там билет в последний путь.

- Игорь, ты, возможно, самый лучший на данный момент хирург, но точно не единственный. Найду себе другого, ты тоже не Бог, чтобы решать, кому жить, а кому нет. Да если что буду к тебе привезти, я не буду рабочее и личное смешивать.

- Ну, и отлично. А то я уже подумал, что хана - город скоро вполовину уменьшится.

Да, кажется, Игорь словил синдром Бога, и, надо сказать, не без моей помощи. Я давно пользуюсь “блатом”, где понимаю, что в большинстве больниц не помогут.

- Чай хоть возьми. И бутерброды, могу борща в банке вынести хочешь? - он снова кокетничает.

- Я хочу, чтобы ты себя вынес.

Он машет рукой, заходит в подъезд.

Я еду на станцию. Там всегда есть работа, всегда есть кто-то, кому хуже, чем мне. И это единственное, что держит меня сейчас на плаву.

Дарья Юрьевна за столом, пишет документы.

- Лера, а ты чего здесь? - аккуратно, с заботой спрашивает она. - Ты на себя в зеркало смотрела? Так, что случилось. А тебя никуда не отпущу, пока не расскажешь. Обещаю, советы давать не буду, ну нельзя такое напряжение в себе держать, сама знаешь, сердце у человека не стальное.

- А себя смотрела, не понравилось. Я от Игоря ушла...

Почему-то стыдно, что вся моя жизнь сложилась, как карточный домик.

- Ну я так и подумала, что что-то случилось, пока ты мужика этого пристраивала. В душу лезть не буду, ты спала вообще?

- В машине передремала. У нас никому подмена не нужна, я готова выйти.

- Тихонова бригада заболела, я за Ирину выхожу.

Дарья Юрьевна молча наливает мне чай, кладет три куска сахара. Я никогда столько не кладу, но сегодня она решила за меня. И бутерброд с сыром. Я не хочу есть, но откусываю.

Вообще, в стрессе я не могу есть. Есть люди, кто заедает, а меня даже от запаха еды тошнит.

- Лер, побудь тут, а потом ко мне поедем. И перестать меня по имени-отчеству называть, я не так стара. Это первый развод меня немного потрепал, я чуть не подохла. Просто лежала на диване, смотрела в одну точку, скулила и курила. Почти месяц, а потом у кота мочекаменная началась. ОН дурью орет, мимо лотка ходит. И не поверишь, ради него встала, умылась и в ветеринарку его повезла. Так исчезнуть хотела, но я ж в ответе за того, кого приручила. Вот и ты давай, чуть поболее, пострадай, отгорюй, а потом по кусочкам начинай собираться.

На столе завибрировал телефон. Я даже не хотела смотреть, но смотрю по привычке. Игорь. Пять пропущенных. Три сообщения.

Лер, где ты? Я волнуюсь.

Давай поговорим как взрослые люди.

Ты не права, что игнорируешь меня. Мы семья.

Семья.

Я перечитала это слово три раза. Оно рассыпалось на буквы, как трухлявая кость. С-е-м-ь-я, раньше в нём был смысл.

В десять вечера он приезжает сам.

Вижу его через окно, выходит из машины, подходит к дверям станции с каким-то пакетом в руках. Выглядит уставшим.

Не встаю с места, остаюсь сидеть, скрестив руки на груди.

- Лера… Давай поговорим, - он выглядывает из коридора. Рядом с ним водитель одной из бригад, присматривает за чужаком.

- Давай. Ты любишь, Игорь? Тогда скажи мне сейчас, глядя в глаза: той ночью у вас все было?

Он смотрит на меня удивленно, но я вижу, что нервничает. Кадык ходит, вены на шее пульсируют.

- Лера, не надо…

- Скажи: да или нет. Без “я не помню”, без “тебе показалось”, ну как мужик.

Мне неважно знать ответ, для себя я уже решила, но и комфортной жизни ему больше не будет.

7

- Лер, ну что ты как маленькая! - Игорь нависает надо мной. - Если после смены ты не будешь нормально отдыхать, то скоро станешь пациенткой моего отделения. Мотор начнет барахлить, а потом что? Или назло мне включила режим самоуничтожения?

- Не обольщайся. Я тебе сказала, что пока ты в квартире, я туда ни ногой. Чемодана рядом с тобой я не вижу, значит, буду подыскивать для себя вариант получше.

- Сама понимаешь, я не могу без нормального отдыха, а то я такое наоперирую, - он громко вздыхает.

Как просто прикрыть свою подлость и слабость благородством.

- Конечно, твоя работа всегда была важнее моей. Да, я не оперирую, но она важнее не меньше твоей. Если я правильно не поставлю диагноз, то к тебе можно и не доехать!

Забираю вещи, что Игорь мне привез. Хватило совести решить, что мне нужно, а что нет.

Ладно, где наша не пропадала. Поеду к родителям, а там посмотрим.

Еду в родительский дом, мне нужно место, где меня примут, где скажут, что все будет хорошо, где накормят и уложат спать, где в любом возрасте я останусь ребенком...

Но когда я подъезжаю к их дому, старой кирпичной пятиэтажке, внутри все сжимается. Это не дом безопасности, а филиал той же системы.

Поднимаюсь на лифте. Нажимаю звонок, слышу, что к двери кто-то подходит, смотрит в глазок. Долгая пауза.

Сразу понимаю, что папа.

- Вон, твоя блудная дочь приперлась, - он говорит он громко, это слышно на площадке.

Хоть разворачивайся и уходи.

Дверь открывает отец. Он в домашнем трико и майке, но выглядит так, будто готов командовать парадом. Пенсионер, бывший военный врач, человек, для которого устав важнее жизни.

- Пап, а с каких пор я блудная дочь? - смотрю на него, надеюсь, что он расплывается в улыбке, раскинет руки, и я пойму, что меня тут всегда ждут.

- Валерия? - он смотрит на меня, на мою сумку в руке, на мое лицо. - Где Игорь?

- Привет, пап. Можно я войду? - подхожу к нему впритык.

- Заходи, - он отступает, но взглядом сверлит меня. - Почему одна? Муженек твой брезгует к нам заходить?

Я прохожу в прихожую, знакомый запах герани, домашнего кваса и сухих духов с ароматом чайной розы. Мама выходит из кухни, вытирая руки о передник.

- Заходи, ты с тренировки? - она обнимает меня.

- Я пока к вам, несколько дней поживу, мне надо решить несколько вопросов. Мама, пап, - говорю я. Голос срывается. - Я ушла от Игоря.

Отец вздыхает, проходит мимо меня, садится за стол, жестом приглашает меня.

- Я же говорю, что не путевая. Ну, что он такого сделал? Садись, расскажи.

Я ставлю сумку в угол. Сажусь. Ощущаю себя на допросе.

- Я видела его с другой, говорю я прямо, нет сил на прелюдии. - .

Отец хмурится, наливает себе чай из заварника. Мне не предлагает.

Мама ойкает, закрывает рот рукой.

- И что же теперь будет, - она медленно садится на стул.

- А я тебе говорил, что твоя работа - это провал. Ночь-полночь ты на смене, по каким-то людям ездишь. Кому понравится, что ты ночами где-то шляешься. Я Игоря не оправдываю, но и твоя доля вины есть, и она может, больше, чем его. Ты устала, Лера, - говорит он спокойно.

Слишком спокойно. - У тебя нервная работа. Смены, кровь, смерть. Мозг перегревается. Ты черствеешь.

- А, может, тебе показалось? - мама включает суету. - Ну как на рабочем месте, так не бывает, тем более в больнице все туда-сюда ходят, там же не уединиться.

- Я не придумываю, - говорю я. Чувствую, как внутри закипает злость. - Я своими глазами видела. Игорь застегивал рубашку.

- Игорь - хороший врач, хоть и человек - дерьмо. А я тебя предупреждал! Сколько раз я тебе говорил, что не надо, как слепая сучка за кабелем нестись. А-то замуж захотела, ну вот и отгребай. - отец отпивает чай. - А про развод забудь, прям выбрось это из головы. Он хирург, у него статус. Он тебя содержит, любит, терпит твои графики. Ты думаешь, он будет рисковать всем ради какой-то там девицы? Это нелогично.

- Измена не логична, пап. Это эмоции.

- Эмоции - удел слабых, - отрезает он. - Мужчина всегда прав. Если он что-то сделал, значит, у него была причина. А ты начинаешь скандалить, выдумывать, разрушать семью.

Я смотрю на маму. Она уже стоит у плиты, спиной к нам. Помешивает что-то в кастрюле. Ложка звякает о стенки. Единственный звук, который она себе позволяет.

- Мама, - обращаюсь я к ней. - Ты же понимаешь меня? Ты же женщина.

Она замирает, плечи напрягаются, но она не оборачивается.

А ничего другого я и не ждала. Мама всегда была тенью отца. Даже в подростковом возрасте, мы с ней могли что-то готовить, мастерить, шутить, но как только появлялся он - в доме наступала тишина. Отец работал, ему надо отдохнуть, а что надо было нам, никто не спрашивает.

- Валерия, не вовлекай мать, - говорит он. - Она знает, как сохранять мир в доме. Молчание - золото.

- Молчание - это соучастие, - говорю я.

Отец ставит чашку на стол, стук фарфора звучит, как щелчок кнута.

- Хватит, иди к мужу. Скажи, что нервы сдали. Игорь примет. Он умный мужчина, он поймет, что это гормональный сбой или переутомление. Обиженку сразу не убирай, пусть он тоже немного поломается, ничего страшного не случится. К телу, пока не подпускай. Можешь, ему напомнить, что он мне обещал в машине помочь покопаться, на рыбалку меня вывести, а потом решим, что и как будет.

- Ты сейчас сам себя слышишь?

- Ну, и после этого ты мне будешь доказывать свою правоту? - он говорит это с такой уверенностью, что на секунду я сама начинаю сомневаться. - ты же уперлась, гнешь свою линию, а женщина должна быть гибкой. Ты упрямица, - отец машет рукой. - В мать пошла, тихая, но упрямая.

Я смотрю на маму, она так и не обернулась. Она варит суп, готовит еду для человека, который только что приказал мне вернуться к мужу-изменнику. Мама выбирает безопасность, собственно, как и выбирала её всю жизнь.

- Сережа, угомонись. Ты что, дочь свою погонишь? - мама, наконец, выключает плиту. - Пусть дух переведет. И Игорь поймет, что не все с рук сходит. Нужно выждать, а молодежь пока отдохнет друг от друга.

- Умеешь ты сглаживать углы, Люда! - он вздыхает. - Ну пусть остается, но ненадолго, а потом вообще не выгонишь.

- Мне не нужна поддержка, которая требует от меня предать себя, - отвечаю я.

Беру сумку. Разворачиваюсь.

- Лера, - голос мамы. Тихий, еле слышный.

Я оборачиваюсь, хочу понять, что же я такого в жизни сделала, что могу быть им дочкой, только когда Игорь рядом.

- Возьми пирожков, - шепчет она. - На дорогу.

Отец фыркает. Садится обратно, включает телевизор, громкость на максимум, чтобы заглушить наш разговор.

8

Может, правда, пока у Кати пожить. Дожилась, без кола и двора остаться.

Телефон вибрирует на пассажирском сидении, экран вспыхивает: “Мама”.

Больше всего бы я хотела сейчас услышать, что она прогнула отца, что он просто по возрасту впадает в маразм, а она его убедила, чтобы я вернулась.

“Чему бы жизнь нас ни учила, но сердце верит в чудеса”.

Я ненавижу этот момент, когда телефон становится проводником чужой боли, которую пытаются перелить в тебя. Я хочу сбросить, выключить звук, но пальцы сами нажимают на зеленую трубку.

- Лера? - голос мамы тихий, словно она боится, что папа услышит из другой комнаты. - Ты где?

- Еду, - отвечаю коротко.

- Слушай меня внимательно. Папа звонил Игорю, они поговорили по-мужски.

Ох, какая имитация заботы. Я сжимаю руль так, что костяшки белеют. “По-мужски” — значит, без меня, без моего права на голос.

- И что Игорь сказал? - спрашиваю я. Голос ровный, хотя внутри все сжимается в комок.

- Он подтвердил отцовские догадки, - мама выдыхает, словно сказала что-то облегчающее. - Ты просто себя накрутила, Лерочка, усталость, нервы. Игорь готов принять тебя назад, он же любит тебя. Сказал, что это недоразумение, он готов его забыть и никогда тебе о нем не напоминать.

- Что? Мне принять? Как вещь? А у меня спросить не надо, хочу ли я к нему назад? Ну так, на всякий случай, просто ради интереса.

- Не говори глупостей. Вам детей надо, - мама переходит в наступление. Это её главный аргумент, выученный за годы жизни в браке. - Возраст, тебе уже за тридцать, а ты все по вызовам бегаешь. Кровь, грязь, трупы. Какая это жизнь для женщины? А родишь, вот и будет тебе занятие. И кого любить будет. А на мужа меньше внимания обращай.

- Меньше внимания? - переспрашиваю я.

- Ой, возмущения свои, знаешь, куда засунь. И меня слушай, я целую жизнь прожила и знаю, как оно. Просто для себя все устраивай, делай, как тебе надо, - продолжает она, словно читает инструкцию по выживанию. - Мужики все гуляют. Это природа.

- Мам, а ты сколько раз отца прощала? - спрашиваю я. Тишина в трубке становится густой, вязкой.

Мама никогда не транслировала неверность папы, но в воздухе, в кухонных разговорах, маминых звонках подругам - это чувствовалось.

- Я со счёта сбилась, сколько у него баб было, - признается она вдруг. Голос дрожит, но в нем столько боли. - Сначала переживала, на разборки бегала, кричала. А потом плюнула. Деньги, статус, картинка для людей есть. А себе перестала мозги парить, отпустила ситуацию.

- И ты счастлива? - спрашиваю я, мне правда интересно. Есть ли там, за этой стеной молчания, хоть искра радости?

- Отец тебя любил, баловал, - уходит она от ответа. - Ни один чужой человек бы так не носился с тобой. Я выбрала тебя, и сама счастлива.

В этот момент мне становится физически тошно. Её счастье построено на моем существовании. Я оправдание её рабства. Я причина, по которой она не ушла.

- Ага, счастлива, - говорю я тихо. - Что, рот открыть не можешь.

- Лера…

- И, если бы меня не было, ты бы с ним жила? - продолжаю я, добивая её правдой. - Ты бы терпела его запах, его женщин, его власть, потому что тебе так удобнее? Безопаснее?

Мама молчит. В трубке слышно только её прерывистое дыхание. Она не может возразить, потому что это правда.

- Зачем мне такая любовь, - говорю я в эту тишину, - если в сложной ситуации моему ребенку на дверь показывают? Если мама говорит: «Терпи, это нормально»? Я не хочу быть тобой, мам. Я не хочу учить свою дочь молчать, когда ей делают больно.

- Ты не понимаешь… - начинает она, но я перебиваю.

- Я понимаю слишком хорошо, поэтому я не вернусь.

Нажимаю “отбой”.

Бросаю телефон на сиденье. Смотрю на пакет с пирожками, который лежит рядом.

Еду на станцию.

Дежурный диспетчер дремлет за стеклом. Прохожу в комнату отдыха. Знакомый запах дешевого кофе и старой мебели.

Кладу пакет с пирожками на стол. Они выглядят чужими в этой казенной обстановке. Символ домашнего уюта, который отравлен ложью. Я не буду их есть. Не могу проглотить ни кусочка этого «примирения».

Сажусь за стол. Достаю телефон, экран загорается, освещая мое лицо.

Открываю браузер. Ввожу в строку поиска: “Аренда однокомнатной квартиры”.

Список вариантов выпадает мгновенно. Цены, фото, районы.

Я смотрю на цифры. Это дорого. Большая часть моей зарплаты уйдет на жилье. Придется экономить. Никаких кафе, никаких новых вещей. Только самое необходимое.

Но это моя цена за свободу.

Кликаю на первое объявление. Фото светлой комнаты, окно в парк. Звоню.

- Квартира свободна? - спрашиваю я.

- Да, можно смотреть сегодня, - отвечает женщина на том конце.

- Договорюсь на вечер, - говорю я.

- Валерия, а ты тут? - Охранник с проходной заходит в комнату отдыха. - Тут тебя ищу, пойдешь разговаривать, сюда никого чужого нельзя.

- Кто? Я никого не жду.

9

Интересно, Игорь пришел в ноги падать, или девица его пришла мне на правду глаза открыть?

Спускаюсь по ступенькам. Свет ламп дневного освещения мерцает, создавая эффект стробоскопа.

- Я все понимаю, но мне надо с ней поговорить, - отражения стеклянной двери вижу мужчину, на Игоря мало похож.

У выхода стоит незнакомец, высокий, в дорогой куртке, но вид помятый. В руках большой букет.

- Вот ваша Валерия Сергеевна, она?

Он видит меня и выпрямляется.

- Валерия Сергеевна? - спрашивает он, делает шаг вперед.

Инстинктивно немного отхожу, становлюсь за стойку администратора.

- Ну, это зависит от того, что вы ходите.

- Мне в больнице сказали, - он делает шаг навстречу. - Там в приемном, что это вы привезли моего брата, после ДТП. Позавчера ночью.

В фильмах про скорую такие визиты обычно плохо заканчиваются - перестрелкой или убийством врача.

Кажется на фоне стресса и усталости у меня паранойя.

- Мы работали бригадой, - отвечаю я сухо. - Это коллективная работа. И за смену можем выезжать на три-четыре ДТП.

- Нет, - он мотает головой. - Я нашел вашего водителя, по номеру бригады. Он мне сказал, что ваша заслуга, что брат жив. Я поехал в "семерку", там медсестра сказала, что вы боролись за него, пока он был в машине, искали врача.

Я хмурюсь. Катя. Это точно Катя. Она проболталась. Нарушила врачебную тайну ради того, чтобы успокоить родственника, или чтобы оправдать меня в его глазах? Неважно, факт есть факт.

- Это врачебная тайна, - говорю я жестко. - Кто вам мог это выдать? У нас не принято разглашать имена сотрудников пациентам.

Мужчина машет рукой, словно отгоняя муху.

- Неважно. Главное, что он жив. Сейчас в реанимации, но врачи говорят, шансы есть. Спасибо вам.

Он протягивает мне букет. Крупные розы. Красные, бархатные, пахнут весной, жизнью.

- Мне не нужно, - отказываюсь я. - Это моя работа.

Внутри разливается тепло, чаще в свой адрес мы слышим - что у нас вместо мозгов молочная каша, что руки растут не из того места и знание медицины заканчивается учебником биологии и умением гуглить.

- Возьмите, - он настаивает, вкладывая стебли мне в руку. - Пожалуйста. У меня никого нет, кроме него. Вы его вернули. Я ваш должник на всю жизнь.

Я смотрю на цветы. Они тяжелые. Шипы царапают ладонь сквозь бумагу. Я чувствую себя самозванкой. Я не боролась за него ради спасения, я везла его, потому что там был Игорь. Потому что я надеялась, что мой муж спасет его. Ирония судьбы: пациент выжил, а наш брак - нет.

- Спасибо, - говорю я тихо. Опускаю цветы.

- Берегите себя, - мужчина кивает и бросается меня обнимать. Через стойку, очень неожиданно.

В этот момент входная дверь снова открывается. Скрип петель заставляет меня вздрогнуть.

Входит Игорь.

Он видит меня. Видит цветы в моих руках. Его лицо меняется мгновенно. Сначала растерянность, потом подозрение, потом вспышка ревности, которую он даже не пытается скрыть.

В его руках тоже букет. Такие же красные розы.

- Интересно девки пляшут, а это кто? Значит, лучшая защита - это нападение. Ты мне измену приписываешь, чтобы себя обелить. Валерия, я-то голову пеплом посыпаю, думаю, какой я мудак. А тут - картина маслом. Или вы были в тени, а теперь ты готова мне предъявить. Ну, день добрый! Давайте знакомиться - Игорь, муж вашей новой.... Даже не знаю, как назвать.

Теперь я понимаю, что значит, рука-лицо и испанский стыд в одном флаконе. Сцена ревности, когда свое лицо в пушку - сильно, прям шикарно отыграно, прям жаль его сейчас разочаровывать.

- Простите, он не в себе. - Смотрю на нового знакомого. - Он действительно мой бывший муж, а еще хирург, который оперировал вашего брата. Он просто плохо воспитан, не обращайте внимания.

- Я брат Федора Игнатова, вы его на днях после ДТП оперировали. Простите, не буду вам мешать. Думаю, что сейчас мои объяснения только все портят. Моя визитка, вдруг по кузовному ремонту что-то понадобиться.

Он еще раз кланяется и уходит.

- Кто это был? - спрашивает Игорь. - Если твой любовник, то слишком быстро он сбежал. Не готов морду за тебя подставлять, а на цветы раскошелился.

Игорь смотрит на свой и мой букеты, как будто покупали в одном магазине.

- Пациент, - отвечаю я. - Вернее, родственник пациента. Разве из разговора этого непонятно?

- Родственник? - Игорь делает шаг ко мне. - И он дарит тебе цветы? В коридоре станции?

- Он благодарит за жизнь брата, - поясняю я. Усталость делает меня равнодушной к его ревности.

Игорь выдыхает. Плечи опускаются, но напряжение не уходит. Он понимает, что проигрывает в этом сравнении. Тот мужчина благодарит за спасение. Игорь пришел просить прощения за предательство.

- Тебе не кажется, история твоя не бьется. Спас мужика в итоге я, а цветы тебе.

На лице ехидство.

- Я с удовольствием тебе их уступлю. - Кладу букет на стойку. - Девахе своей подари, а то ты не очень романтик, только ее пользуешь, а благодарности, наверное, никакой.

10

- Лера, стой, - Игорь делает шаг навстречу, преграждая путь. - Нам надо поговорить. Нормально. Без истерик.

- У меня нет времени на истерики, - отвечаю я, обходя его. - У меня сегодня дежурство. И абсолютно нет желания спорить и что-то доказывать тебе. Я для себя все уже решила.

- Твой отец звонил мне, - бросает он мне в спину. - И тут какая-то несостыковочка. Или ты наврала, или он не так понял. Спрашивал, почему я тебя выгнал. - Игорь разводит руками, изображая искреннее недоумение. - Представляешь? Он уверен, что я выставил тебя за дверь, что я тиран и деспот.

- И что ты ответил? - спрашиваю я спокойно, интересно, что скажет. Историю с обратной стороны я уже знаю.

- Я сказал правду, что я тебя не выгонял, что ты сама ушла, хлопнув дверью. И я туту подумал, наверное, если бы я тебя застал с каким-то мужиком в одной комнате при тусклом свете, тоже бы приревновал. - Он делает шаг ко мне. Его голос становится мягче, вкрадчивее. - Лер, я знаю, что они тебя не приняли, не сердись на них. Ну, вот такой у них план. Папа всегда считал, что мужчина должен быть главным. Что семью надо сохранять любой ценой. Они тебя не поддержали, да? Заставили вернуться ко мне?

- Это не твое дело, - отрезаю я.

- Мое, - настаивает он. - Потому что ты сейчас одна. Они тебя отвергли. Я - нет. Я жду тебя. Поехали домой.

- Домой? - я смеюсь. - У меня нет дома.

- Ты делаешь из мухи слона. Лера, послушай меня. Мы врачи, знаем, что бывают осложнения. Но мы же не бросаем пациента после первой неудачи. Мы боремся.

- Пациент мертв, Игорь, - говорю я тихо. - Наш брак мертв. Реанимация не поможет.

- А дети? - он выпаливает это как последний довод. Как козырную карту, которая должна перебить все мои аргументы. - Мы же планировали. Тебе уже за тридцать. Время идет, ты все бегаешь по вызовам, рискуешь, мерзнешь. А могла бы быть дома. Заняться собой. Заняться нами, о ребенке всё-таки задуматься.

Только сейчас я понимаю, что мир не дает нам детей с каким-то умыслом . Оба обследованы вдоль и поперек, а просто нет.

-Ты предлагаешь мне родить ребенка, чтобы мне было некогда думать о твоей измене? - спрашиваю я.

- Я предлагаю тебе счастье, - он пытается взять меня за руку.

Охранник рядом с нами закашливается. Только сейчас до меня доходит, что все вокруг слышат наш разговор. В небольшом коллективе и так все на виду, а теперь совсем - сплетни с выездом на дом.

- Семью создают двое взрослых людей, - я отстраняюсь. - А не женщина, мама-инкубатор и мужчина-спонсор. Я не хочу, чтобы мой ребенок рос в доме, где папа врет маме. Где мама молчит, потому что «так надо». Где любовь измеряется терпением. Я уже жила в такой семье, и мне не понравилось. Я же обычный травматик, вот и тебя такого же кобеля, как мой папочка, притянула.

- Ты эгоистка, - шипит он. Маска заботливого мужа слетает. - Ты думаешь только о себе.. А кто будет рядом, когда ты состаришься? Кто подаст стакан воды?

- Я сама себе подам, - отвечаю я. - Я в состоянии купить себе кулер, и водопровод до самой постели провести. Доставка, в конце концов, от тебя эта вода поперек горла станет.

- Лера, не ломай жизнь, — он снова меняет тон, теперь рядом со мной прокурор-предсказатель. Ищет в чем бы еще меня обвинить. - Ты пожалеешь, когда будет поздно.

- Я уже жалею, - отвечаю я. - Что потратила десять лет на иллюзию.

- Лера, - рядом с Игорем появляется Дарья Юрьевна. - Тебе что жить негде? Поехали ко мне, места всем хватит.

11

Игорь

Какой-то хахаль дарит моей жене цветы, а я должен спокойно реагировать? Сама приняла букетик, а меня в измене обвинила, хоть и фактов у нее не сильно больше.

Я стою в пробке на Садовой, до смены еще час, успею. Включаю радио, новости раздражают. Везде говорят о кризисах, о распаде, о том, как трудно быть вместе. Словно весь мир решил напомнить мне, что я часть статистики.

Паркуюсь у больницы - моё царство, место, где я Бог. От одного движения моего скальпеля зависит жизнь, но сегодня, когда я иду по коридору, я чувствую себя подсудимым.

Кажется, все сотрудники смотрят на меня, осуждают, старые санитарки качают головой.

Медсестры на посту замолкают, когда я прохожу. Даже пациенты в очередях смотрят как-то странно. Слухи в больнице распространяются быстрее вирусов гриппа.

Я расправляю плечи. Белый халат - это броня. Если я буду идти уверенно, они поверят, что всё под контролем.

Теперь она кажется мне не убежищем, а местом преступления. Запах духов выветрился, но память хранит его.

- Как вы думаете, сегодня отдохнуть удастся? - коллега, Илья Васильевич - травматолог с полувековым стажем, смотрит на меня со странным прищуром. Интересно, а под словом “отдохнуть”, что он имеет в виду. - Игорь Петрович, а вас Мариночка искала. Бегала тут с кипой документов, Кате нашей - постовой она не нравится. Что-то наши девы не поделили, то в коридоре лаялись, то в буфете чуть ли не толкались. Не вы ли причина женского оживления в коллективе?

- Без понятия, что там самочки делят. Я женатый человек, сами понимаете. Мне сегодня не до отдыха, надо карты проверить, может, срочное что-то нарисуется.

Дверь открывается, стою к ней спиной. Но уже по аромату духов понимаю, кто рядом.

- Игорь Петрович, - голос, от которого по спине мурашки, еще не привык к нему, но уже узнаю. - Я к вам за советом.

- Так, понятно, старый волк и тут лишний.

Илья Васильевич со скрипом встает из-за стола.

- Вы меня избегаете? - Марина подходит ближе. - Катя ваша и твоя женушка все растрындели. На меня скоро будет пальцем показывать.

Оборачиваюсь. Марина стоит в дверях, на ней форма - слишком большая для её хрупкой фигуры. Волосы собраны в хвост, лицо бледное. Сегодня она не выглядит, как роковая соблазнительница.

- Да, Марина? - стараюсь говорить ровно, отключаю эмоции, чтобы не наделать ошибок.

- Проблемы? - она делает шаг внутрь, закрывает за собой дверь. - Жена, наверное, навтыкала?

Вопрос висит в воздухе.

- Есть немного, - отвечаю устало, опускаюсь на стул. - Пока она ушла, характер показывает. А дальше видно будет.

Марина подходит ближе. Опирается на стол, смотрит мне в глаза. В её взгляде - надежда, смешанная со страхом.

Что со мной происходит. Вокруг всегда были красивые женщины, но такой реакции не было ни на кого. Если бы не был медиком, верил бы в феромоны и всякие так “маркетинговые вещи” вроде “струи бобра”. Или Марина просто неземная женщина, которая разбудила во мне, то, что когда-то было похоронено.

- А вы… - она заминается. - Вы хотите с ней жить?

Мысль, от которой всего передергивает. Может, я разлюбил жену? Может, чувства остыли, улетучились?

Смотрю на Марину - молодую, амбициозную, красивую. И сейчас все мужское во мне снова просыпается.

- Я не хочу обсуждать наши с Леркой отношения. Пусть, это будет благородством за совместно прожитые годы. Сегодня мне нравишься ты, а с женой мы потом сами разберемся.

Лицо Марины меняется. Надежда гаснет, уступая место злости. Она выпрямляется, отталкивается от стола.

- Значит, так? - голос дрожит. - Я для вас просто развлечение? Пока жена не видит?

- Ты всё неправильно поняла, - начинаю я, но она перебивает.

- Я думала, я вам нравлюсь. Вы же сами сделали шаг ко мне, первый залезли под юбку. Мне это всё и не надо! - повышает голос. Слезы блестят в глазах. - Сама вешаться на мужика не буду, я не готова на второстепенную роль, Игорь Петрович. Я не буду прятаться по углам, пока вы решаете, стоит ли моя жизнь вашего спокойствия.

Она разворачивается, чтобы уйти.

- Марина, стой, - говорю я.

Она замирает, не оборачивается.

- А почему бы и нет? - спрашиваю я.

Она медленно поворачивается.

- Что?

- Почему бы не попробовать? - я встаю, подхожу к ней. Вижу своё отражение в стекле шкафа. Усталый мужчина средних лет. - Будет ли мир в семье - неизвестно. А внимания, ласки хочется.

Марина смотрит на меня. Злость уходит, остаётся растерянность.

- Вы эгоист, Игорь Петрович, - тихо говорит она.

- Я врач, - поправляю я. - Мы привыкли спасать тех, кто ещё дышит. Наш брак при смерти, почему я должен умирать вместе с ним?

12

- Мы с тобой не первый год вместе работаем, и ты постеснялась мне сказать? - Дарья Юрьевна ворчит на меня.

Как-то дружба у нас с ней не очень складывалась всегда. Мы прекрасные коллеги, но как-то она сразу обозначила свои границы - о личном не рассказывает, ничем особо о себе не делится. У нас тринадцать лет разницы, вроде и не такая большая, но вот дальше коллег - общение не вышло.

- Да кому мои проблемы нужны. Думала, что справлюсь, сразу решу вопрос, но как-то пока никак не пойму, что делать. Я ушла из квартиры, думала, что у Игоря совесть какая-то заиграет, или хотя бы как подачку мне ключи бросит, а сам съедет. Но нет, прикрылся работой... Или я дура наивная, все верю в мир и джентльменов.

Я еду к Дарье Юрьевне, хоть кто-то решил меня приютить. Катя не в счет.

От подстанции к дому напарницы полчаса. Стандартная пятиэтажка, рядом с подъездом - старая ель. Кажется, такая росла у подъезда бабушки и деда.

- Раздевайся, - командует Дарья Юрьевна. - Тапки вон там, бери жёлтые. Не смотри, что смешные, зато тёплые.

Я послушно снимаю кроссовки. Надеваю жёлтые тапки с помпонами. Они действительно смешные.

- Садись за стол, - она уже гремит сковородой. - Я тебя сначала накормлю, потом будем разбираться, что к чему.

- Я не голодна.

- Врёшь. У голодного врача руки трясутся. А тебе ещё завтра на смену, пирожки, как я понимаю, ты тоже не тронула.

Я сажусь. Кухня маленькая, заставленная. На подоконнике - герань, как у мамы. На стене - календарь с котиками за пять лет, на плите уже чугунная сковорода, на которой шипит картошка.

Дарья Юрьевна режет сосиски. Она бросает их в сковороду. Запах жареного ударяет в нос. Голод просыпается мгновенно. Предательский организм требует еды, хотя душа требует покоя.

- Я, знаешь ли, замужем была два раза, - говорит она, помешивая картошку деревянной лопаткой. - Оба раза неудачно. Первый пил. Второй не пил, но считал, что скорая - это не работа, а так, приложение к пенсии по уходу.

Я молчу, смотрю, как картошка румянится, становится золотистой.

- Так что, - продолжает она, - мужики этого не стоят. Запомни, сама два раза убедилась. И третий раз убеждаться не собираюсь.

Она выключает плиту, раскладывает картошку с сосисками по тарелкам. Ставит передо мной. Рядом - солёные огурцы из банки, чёрный хлеб.

- Ешь.

Я беру вилку. Картошка горячая, с хрустящей корочкой. Я не ела нормальной еды со вчерашнего дня. Слезы сами текут по щекам, так жалко себя - при муже, при родителях, как сирота по чужим углам.

- Не плачь, - говорит Дарья Юрьевна. - Плакать будешь потом. Сначала поешь.

Я слушаюсь, молча жую.

После ужина она ведёт меня в комнату. Кажется, здесь живет девочка-подросток. Со стола беру портрет.

- Это моя старшая, - говорит Дарья Юрьевна. - В другой город уехала, учится на психолога. Представляешь? Психолог. Я всю жизнь людей латаю, а она - головы. Говорит, это

наследственное. А младшая в пед поступила, должна на выводных приехать. Так ,кровать расправлена, - она дергает за покрывало. - Бельё свежее. Ложись, поспи, наберись сил. Не надо геройствовать.

- Я не хочу спать, - говорю я. - Я хочу забыть.

- Это одно и то же. Спи.

Она выходит, прикрывает дверь. Я сажусь на край кровати. Падаю лицом в подушку, пахнет порошком. Быстро проваливаюсь в сон, не знаю, сколько я спала, кажется, целую вечность.

Встаю, выглядываю в гостиную.

- Лер, выходи. Чай пить будем. Понимаю, что хочется еще поваляться, а то потом голова будет, как колокол.

Я выхожу на кухню. На столе чай в большой кружке, с мятой, с сушками. Мы сидим напротив друг друга.

- Рассказывай, - говорит она. - Что там твой муженёк натворил. Сплетни ходят, но я прям не люблю в это все лезть.

- Сначала было хорошо. Мы с Игорем познакомились в университете, оба молодые, оба горячие. Мало спали, ели доширак, мечтали. Потом он уходит в хирургию, я - в скорую. Сначала поддерживали друг друга, а потом как будто начали конкурировать. Он всегда считал, что скорая - это второй сорт, - говорю я, откусывая сушку. - Что хирурги - это элита, белая кость. А те, кто в поликлиниках сидят или на скорой - либо недоучки, либо лентяи, которые не смогли стать настоящими врачами.

Дарья Юрьевна усмехается. Наклоняется ко мне через стол.

- Слушай, Лера. Если бы не мы с тобой, у этих «белых костей» работы бы не было. Совсем. Люди бы просто не доезжали. Умирали бы на остановках, в машинах, в собственных ванных. А мы их собираем по кусочкам, латаем, грузим и везём. И хирург получает уже готового пациента - с давлением, с катетером, с протоколом. Мы делаем самую грязную работу. И самую важную.

Она замолкает. Допивает чай.

- Я тоже была молодая. Тоже верила, что если постараться, то можно всё наладить. А потом поняла: нельзя наладить то, что сломано с самого начала. Он тебя не уважает, Лера, ни как женщину, ни как коллегу. А без уважения любовь - это просто гормоны. Рано или поздно уровень падает, и остаётся пустота.

Я киваю. Она права.

- Ты сильная, - говорит она. - Я таких, как ты, много видела. Ты выживешь. А он… он останется с практиканткой, которая через год поймёт, что он обычный мужик с кучей комплексов. Или без неё. Какая разница?

Я молчу.

- А теперь, - она встаёт. - Отдыхай, читай, смотри телек, чувствуй себя как дома. Тебе надо восстановится, пациенты ждать не будут, даже если у тебя развод.

13

- Лера, ты на обед, что будешь? - Дарья Юрьевна уже собралась на смену. Как же неудобно в чужом доме, помимо койко-места, я у нее теперь и столоваться буду?

- Я куплю что-нибудь по дороге. Спасибо за заботу, у меня ощущение, что вы меня удочерили.

- Тогда кладу макароны и сосиски, - она подмигивает, меня игнорирует.

Едем на первый вызов - бабулечка с давлением. Остается два перекрестка, новый вызов - диспетчер кричит что-то о массовом ДТП на тридцать шестом километре трассы. Автобус столкнулся с фурой. Пострадавших много.

- Сергеич, маячки на полную, - говорю я.

- Началась смена, - вздыхает напарница.

Мозг автоматически раскладывает будущую работу на категории: красные - немедленная эвакуация, жёлтые - отсроченная помощь, зелёные - ходячие.

- Сергеич, жми на газ!

- Принято!

Машина шарахается между потоками. Кто-то сигналит вслед, кто-то тормозит на обочину. Плевать, счёт идёт на минуты.

Дарья Юрьевна рядом проверяет укладки: жгуты, катетеры, шприцы, ампулы. Лицо сосредоточенное, брови сведены к переносице. Она знает, что сегодня будет ад. Мы обе знаем. Такие ночи не забываются. Они оставляют шрамы не только на телах пациентов.

- Куда везём? - спрашивает она, не поднимая головы. - Дежурят сегодня “тройка”, “семерка” и вторая БСМП.

- В «семёрку», - отвечаю я автоматически. - Там травматология и хирургия лучшая. Там Игорь…

Осекаюсь.

- Думаю, диспетчер нас направит, - тру переносицу. Дышу тяжело, старюсь не впадать в панику раньше времен. - Но лучше в «семёрку», - повторяю я тверже. - Там дежурит лучшая бригада.

Дарья Юрьевна молчит, только кивает.

Приезжаем на место через двенадцать минут. По навигатору - двадцать. Сергеич выжал из машины всё.

Картина страшная.

Металл, стекло, кровь на асфальте. Автобус лежит на боку, фура влетела в отбойник, прицеп смят в гармошку.

Запах бензина, гари и железа. И ещё один запах, который не спутаешь ни с чем...

Выпрыгиваю из машины, машина не успевает до конца затормозить.

Ноги несут сами. Голова отключается. Здесь нет Леры, которой изменили. Здесь нет женщины с разбитым сердцем. Здесь есть врач Валерия Сергеевна. Фельдшер скорой помощи.

Осмотр. Пальпация. Жгуты.

- Этот в реанимацию, - командую куда-то в воздух, указывая на мужчину с открытым переломом бедра. Кровь фонтанирует, жгут накладываю сама. - Этот сам дойдёт, зелёный.

На месте работают три бригады, каждый врач на полную включатся в ситуацию.

- А эта? - Сергеич кивает на женщину, сидящую на обочине. Она плачет, но дышит, говорит, двигается.

- Зелёный. Второй автобус.

Я заполняю карточки, клею цветные стикеры.

Загружаем первых пострадавших. Красные - вперёд, жёлтые - следом. Сергеич выжимает газ, Дарья Юрьевна в салоне борется за давление.

- Остановка! Качаем! - Она повышает голос, но нет никакой суеты.

Летим в больницу.

Приёмный покой “семёрки”, нас уже ждут.

Коридоры забиты каталками. Главврач бегает с телефоном у уха, орёт про резервные операционные. ь.

Я передаю своего пациента.

- Давление девяносто на пятьдесят, пульс сто двадцать, - докладываю на ходу. - Дыхание самостоятельное, но поверхностное. В сознание не вступает.

Санитар кивает, катит каталку в коридор. Рядом врач. Поднимаю глаза , в углу стоит девица - ее я видела в комнате с моим мужем. Ничего себе проверка на прочность.

- Куда везёте следующего? - спрашивает дежурный администратор, сверяясь с планшетом.

- В операционную номер три, - отвечает кто-то из хирургов, пробегая мимо. - Там Игорь Петрович уже начинает. Третья операция за смену. Мы и Семенова вызвали, и Льговскую, ждем, когда приедут. Ребят, не везите пока к нам, у нас битком. Мы диспетчеру говорим, но вы к нам везете. Я понимаю, что у нас специалисты, выживаемость и выхаживаемость лучше, но люди не должны быть в коридорах. И про блат ваш знаем, но вы же не одни.

Внутри поднимается буря, но сейчас не время давать ей место.

- Добрый вечер, - девица подходит ближе. - Чем я могу вам помочь?

Наглая и самонадеянная. А если я не в себе, и придавлю ее каталкой к стене, в состоянии “аффекта”?

- Я не ваш руководитель, чтобы выдавать вам рабочие инструкции. - Стараюсь держать себя в руках, сейчас работа важнее эмоций. - Если вы медработник - включайтесь.

- Лера, ваша подстанция звонила, еще тяжелого везут. Как там? - к нам подходит Катя. По сравнению с этой девицей она выглядит - народной красавицей, что и в горящую избу, и коню проблем доставит. Как говорила моя бабушка, ядреная, кровь с молоком!

Катя подмигивает мне, намного трясет головой в сторону новой знакомой.

- Это Марина, наш ординатор. Кажется, учится работать под руководством Игоря Петровича, - наконец, выдавливает она.

- Мы уже виделись, - растягиваю губы в спокойной улыбке. - Когда я училась, ординаторы из операционных не выходили, впитывали знания, учились, нарабатывали навыки, чтобы выйти настоящим врачом. А теперь знания передаются иначе... половым путем, так сказать.

Марина как будто вздрагивает, лицо сразу становится острее.

- А вы хамка!

- Да и медицина это не про белый халат и руки в тепле, открою вам секрет. Это еще и кровь, слезы, смерть. Хорошо подумайте, сможет ли ваша трепетная душа выдержать подобное.

14

Под утро поток начинает стихать.

Я стою в приёмном покое «семёрки», заполняю карту. Смена длится уже шестнадцать часов. Глаза слипаются, но я моргаю, заставляю себя смотреть на строчки. Буквы пляшут, расплываются в серые пятна. Мне нужно сосредоточиться, чтобы не допустить ошибку в документах. Ошибка в карте вызова - чревата разбирательствами в суде.

Кофе в автомате закончился ещё в три ночи. Последний глоток тёплой воды из кулера был час назад. Вода пластиковая, безвкусная, но горло пересохло. Желудок сосёт, спазмами напоминает о себе, но есть не хочется. Только спать. И чтобы никто не трогал.

Дарья Юрьевна ушла подписывать документы у главврача. Она выглядит бодрее меня, хотя мы одной крови. Она говорит, что у неё «второе дыхание», но я вижу, как у неё дрожат руки, когда она держит ручку. Просто умеет скрывать лучше, она старше, опытнее. Для неё это ещё одна ночь в карьере. Для меня - ночь, которая добивает то, что осталось от моей личной жизни.

Я застёгиваю планшет, собираюсь уходить. Нужно вернуться на станцию, сдать смену, поспать хотя бы пару часов. Ноги гудят, будто в ботинки насыпали песка.

Опираюсь спиной на стену, на секунду закрываю глаза, тут же в дремоту падаю.

- Девчонки, как вы тут? Еще с ног не валитесь? - мимо меня, к автомату идет анестезиолог.

- Горячая ночь выдалась, просто слов нет. Адреналин был на пределе, сейчас немного отпускает, во и превращаюсь в медузу, - развожу руки, показываю, как расплываюсь от произошедшего.

Звонит телефон.

Вибрация на бедре кажется ударом тока. Я вздрагиваю. Вынимаю аппарат из кармана. Номер не подписан, но комбинация цифр знакомая.

Беру трубку. Подношу к уху, не говоря ни слова.

- Валерия Сергеевна… - Катя, её голос срывается на шёпот, будто она прячется в углу. - Игорь Петрович… на операции… ему стало плохо. Прямо за столом. Он едва упал.

Я замираю.

Время останавливается. Звуки приёмного покоя - стук колёс каталки, кашель пациента в углу, гудение холодильника - всё это уходит вдаль, становится фоном. Остаётся только её голос и ледяная игла в груди.

Сердце делает кульбит. Потом ещё один. Ритм сбивается, как на кардиомониторе при фибрилляции.

- Что значит «упал»? - спрашиваю я.

Внутри тревога. Понимаю, что он подлец и предатель, и, может, что его накрыла карма, вполне справедливо, но в один день человек не может стать абсолютно чужим.

- Он оперировал, сказал, что голова закружилась. Потом просто… осел. Ему помогли выйти из операционной.

Я слушаю и не слышу. Слова долетают, как сквозь вату. Случилось то, чего я боялась в ту ночь, когда стояла под дверью ординаторской. Только тогда я думала, что у него инфаркт. Я тогда молилась, чтобы ему было плохо физически, потому что это проще понять, проще простить.

Теперь инфаркт, кажется, пришёл по-настоящему. Ирония судьбы такая чёрная, что хочется выть. Я спасала пациентов всю ночь, чтобы он спасал их вместе со мной. А теперь он сам стал пациентом.

Где-то внутри колет, в том самом месте, которое я пытаюсь вырезать уже неделю. Оно ноет, пульсирует, напоминает о себе. Мой ещё недавно любимый человек чуть ли не при смерти.

Как мне поступить? Бежать спасать его? Бросить всё, забыть про обиды, про Марину, про запах чужих духов в ординаторской?

- Кать, он же в больнице, - говорю я. Стараюсь, чтобы голос звучал жестко. Как броня. - Думаю, вы не дадите ему умереть. … Ну, укол ему в задницу всандальте побольше, чтобы ещё полгода сесть не мог, - я слышу, как говорю эту гадость и ненавижу себя за это, но боль требует выхода. Если я не укушу, то завою. - Тоже мне медработник. Не умеет следить за своим давлением. Ну, так у него Марина есть, она его успокоит, первую помощь, я думаю, она уже умеет оказывать. А если все плохо будет, и Игоря надо будет от аппаратов отключить или усыпить, чтобы не мучился - звони, приеду, и как самый близкий родственные подпишу все бумаги.

- Валерия Сергеевна… - начинает она снова.

Я закрываю глаза. Прислоняюсь лбом к холодной стене. Броня трескается. Сарказм не работает. Страх просачивается сквозь трещины.

- Кать, - перебиваю я, голос тише. - Ответь мне честно.

Я делаю вдох.

- Он же жив? Опасности нет?

15

- Конечно, живой, - выдыхает Катя в трубку. Голос становится тверже, профессиональнее, словно она переключается с испуганной девушки на старшую медсестру. - Кто же ему помереть-то даст? Чаю налили, глюкозки дали.

Я закрываю глаза.

Давно ли у нас людей от смерти лечат глюкозой? Или снова "у страха глаза велики", а у Кати - сильное преувеличение опасности?

- Он просит вас, - добавляет Катя тише. - Сейчас трубку передам.

Я не успеваю возразить. В динамике щелчок, шуршание, и потом его голос.

- Ну, жена! Ну, ты, блин, даёшь! Лера, - голос бодрый, кажется, "пациент" точно больше жив, чем мёртв. - Не думал, что ты меня усыпить решила.

Я выпрямляюсь. Прижимаю телефон плотнее к уху. В коридоре приёмного покоя снова начинается движение, привезли нового пациента. Громкий голос Дарьи Юрьевны перекрывает мой разговор.

- Да я и не собиралась, - отвечаю я. - Мне всё равно.

- Ты спросила про опасность, - продолжает Игорь. - Я надеялся, что в твоём каменном сердце хоть немного тепла и сочувствия для меня осталось. А нет.

Он делает паузу. Я слышу, как он отхлёбывает чай.

- Может, ты надеялась на обратное?

- Игорь, да иди ты в задницу!

Я говорю это громче, чем планировала. Несколько санитарок оборачиваются. Мне плевать.

Терпеть не могу эти кошки-мышки. Эти полунамёки и игры в "а вдруг я умру, и ты пожалеешь".

- Смотри, - говорит он спокойно, почти философски. - Я сгорел оттого, что светил людям. Мне кажется, ты тоже недалека от этого. Побереги себя, приходи в ординаторскую. Тебе чаю будет полезно попить. Согреться. Поговорим на нейтральной территории.

Я закрываю глаза.

Если гипертония его не добьёт, то это сделаю я.

Нейтральная территория...

Фу. Если бы не работа, я бы никогда больше в его кабинет не зашла. Тот диван. Та подушка. Тот запах дешёвых духов, который до сих пор стоит в носу, стоит мне только закрыть глаза.

- Игорь, - говорю я спокойно. Очень спокойно. Так спокойно, что самой страшно. - Территория не может быть нейтральной, если на ней трахаешь свою сотрудницу. Это твоё логово. Я женщина приличная, по таким местам не шастаю. Но ты не печалься, тебя есть кому согреть, кому кипяточку подлить.

В трубке повисает тишина.

Я слышу его дыхание. Прерывистое. Раздражённое.

- Ты опять за своё, - он вздыхает. В голосе проскальзывает раздражение. Усталость делает его нетерпеливым. - Лера, ну какая сотрудница? Марина ушла. Всё кончено. Я лежу здесь, почти… почти при смерти, а ты о своём.

Поворачиваюсь к стене, прикрываю глаза рукой. Усталость наваливается, сил нет стоять.

- Я, конечно, не оперирующий хирург, а врач от сохи. Но кое-что из медицины знаю. Ты чай к голове прикладываешь или через клизму вводишь, что он тебя так живительной силой наполняет? То ты почти на смертном одре, а то уже за юбками готов волочиться. Так зачем тебе чай? Зачем разговоры? Лежи, лечись. Восстанавливай ритм.

Я слышу, как он скрипит зубами. Или, мне кажется.

- Да не при смерти я, не при смерти, - ворчит он. - Голова закружилась, рука дрогнула, но уже шили. Я думал, у тебя сердце мягче: разволнуешься, придешь, обнимешь… Мы же семья, в конце концов. А тебе плевать.

Я открываю глаза.

Смотрю на свои руки. Они дрожат.

Кажется, у меня тоже голова кружится от всего, что происходит. В отпуск сегодня заявление напишу. Переведусь куда-нибудь. Кто-кто, а скорая везде есть.

- Лера, не гони, - он повышает голос. Слабость исчезает, появляется знакомое командное интонирование. - Я серьёзно. Мне нужна жена рядом. Не врач скорой, а жена.

Я прислоняюсь лбом к холодной стене.

- Жена не приходит туда, где грязно, - отвечаю я тихо. - Где воняет твоей "подстилкой". А всё, что не прошло дезинфекцию, мне лучше не трогать.

- Ты пожалеешь, - бросает он. - Когда поймёшь, что осталась одна.

Я убираю телефон. Съезжаю по стене. Опускаюсь на корточки прямо в коридоре приёмного покоя. Пациенты идут мимо, санитарки толкают каталку, кто-то ругается, что я мешаюсь.

Мне плевать.

Ощущение, что эта смена никогда не закончится.

Перед лицом вырастает Дарья Юрьевна. Она смотрит на меня сверху вниз. Она протягивает руку. Я хватаюсь, она тянет меня вверх.

- Игорь звонил? - спрашивает она тихо. - Что хотел?

- Да. Приглашал на чай. В ординаторскую.

Дарья Юрьевна замирает. Медленно поворачивается ко мне.

- Он совсем охренел? После всего?

- Он думает, что может стереть прошлое одним звонком, - говорю я. - Что если он почти умер, то счёт обнулён.

- Не обнулён, - отрезает она. - Анамнез остаётся в карте навсегда.

Я киваю. Поправляю воротник формы. Встряхиваю головой, чтобы прогнать остатки слабости.

- Ты пойдёшь? - спрашивает Дарья Юрьевна.

Я смотрю на лифт. На лестницу. На дверь, за которой второй этаж. Ординаторская. Он.

- Нет, только если добить, но думаю, судьба и без меня справится.

16

Я сижу на кухне у Дарьи Юрьевны, сжимаю кружку с остывшим чаем. За окном серое утро, похожее на вчерашнее, и позавчерашнее, и на все утро после той ночи.

- Ты не можешь так жить, - Дарья Юрьевна ставит передо мной тарелку с бутербродом. Я не голодна, но беру, чтобы не обижать. - Вещи в моей прихожей, ты спишь на диване, на работе смотрят как на погорелицу. А он в твоей квартире? Ногу на ногу?

Я смотрю в кружку.

- В нашей квартире, он все грозится все съехать. Там его запах, его полотенце, щётка, подушка. Я ночью проснулась, показалось, что он рядом дышит. - я делаю паузу, выдыхаю. - Я поеду сегодня. Надо привыкать к новой жизни, а то ощущение, что я в обиженку играю. А толку, "проблему пора удалить, не дожидаясь перитонита".

- Правильно, - кивает она. - Страх пройдёт. Не ты первая, не ты последняя.

Я поднимаю глаза.

- А знаешь, что меня бесит больше всего? Почему я должна со всех сторон быть ущемлена? Игорь гуляет, я ухожу. Родители меня за это предают. Я живу у тебя, и мне стыдно. На работе спрашивают, я отмалчиваюсь. А он? Он в ординаторской с Мариной чай пьёт, жалуется на жизнь, и все вокруг: "Бедный Игорь Петрович, как он переживает". За что? Зачем мне эта вся ерунда?

- За тем, что ты честная, - Дарья Юрьевна садится напротив. - А он играет роли. Рано или поздно зрители устают хлопать.

Я хочу ответить, но в кармане вибрирует телефон. Смотрю на экран мама.

- Мам, привет, - голос усталый, стараюсь убрать раздражение.

- Лера… - она всхлипывает. Как-то флешбэков на сегодня многовато. - Папе плохо. Давление двести на сто двадцать. Он упал, я не могу его поднять. Говорит, сердце давит, руки отнимается.

У меня холодеют пальцы. Так хочется послать его к любимому зятю...

- Скорую вызвала?

- Нет, я думала, что ты приедешь! - она почти голосит.

- Я не на смене, я -то приеду, но у меня собой две таблетки обезбола есть и все. Мам, если это Игоревы задумки, сразу скажу, это плохая затея... А то сегодня уже один двумя ногами на мои нервы наступил, я в добренькую играть не буду.

- Да, какие игры! Отец умирает! Сейчас… я звоню…

В голове проносится мысль, что это карма. Сразу становится стыдно за эти мысли.

- Не сейчас, мама! Немедленно! Бери трубку, набирай 112! - я уже вскочила с места. - Перезвоню.

- Лера, может, полежит и пройдёт? - через ее слезу понятны не все слова.

- Если ты решила стать вдовой, то это лучший сценарий!! - рычу в трубку. - Мама, послушай меня. Ты вызываешь скорую. Сейчас же. Папа не "полежит", это может быть инфаркт или инсульт, ты что, не понимаешь? И смерть в этом случае не самое страшное, а вот лежачий мужик...

- Но он такой сильный, он всегда справлялся…

- Не всегда! Сама вызову! - я почти кричу. Дарья Юрьевна кладет ладонь на моё заплечье, но я отстраняюсь. - Папе семьдесят, у него гипертония, он курит, он игнорирует врачей. Такой же, как Игорь. А мне потом откачивать? И горшки всю жизнь выносить и с ложки кормить, спасибо, не надо.

- Адрес какой? - Дарья Юрьевна уже звонит со своего телефона.

Мама начинает плакать в трубку. Громко, по-бабьи, с придыханием.

- Лерочка, не кричи на меня, я испугалась, я не знаю, что делать…

- Знаешь. - я беру себя в руки, дышу глубже. - Ты берёшь телефон, вызываешь скорую. Говоришь: «Пожилой мужчина, боль за грудиной, упал, давит двести». Поняла?

- Так, бригада уже едет, они мне позвонят, как поймут, что и как. Люда на смене, все нормально будет.

Бросаю трубку. Сколько бы обид на родителей ни было, все равно хочется, чтобы у них все хорошо было. И чтобы как можно меньше последствий для меня. Я прекрасно знаю, какими бывают болеющие люди, но мне их на смене хватает.

Хожу по комнате, не понимаю, куда себя деть. К родителям уже не успею приехать, больше часа в одну сторону. Куда повезет скорая - тоже непонятно.

- Так, сегодня дежурные - вторая БСМП и пятерка. Ну, они не рядом.

Я уже натягиваю кроссовки, киваю Дарье Юрьевне. Она стоит рядом, поддерживает изо всех сил.

Поворачиваюсь к ней.

- А если он умрёт, пока я еду?

- Медику и соврать трудно, ты сама все знаешь, бывает всякое. На все воля Божья.

Этот вопрос виснет в воздухе. Я не знаю, что на него ответить.

- Не умрёт, - говорю жёстче, чем чувствую. - Он слишком упрямый, чтобы умереть, не сказав мне в последний раз, что я неправильно живу.

Она усмехается, отвечает на звонок.

- Вторая БСМП. С тобой поехать?

- Спасибо, я справлюсь.

Она смотрит с сомнением, но не спорит. Только протягивает булки в пакете.

- В дорогу. И не гони. Ты им нужна живая, а не на встречной полосе.

Выхожу на улицу, сажусь за руль её машины. Звоню маме снова:

- Мам, я выехала. Скажи, папу уже забрали?

- Забрали, - голос дрожит. - ТЫ нас встретишь?

- Встречу, - говорю я.

- Спасибо тебе, доченька. Ты прости нас с отцом. Мы хотели как лучше.

Я не отвечаю. Как лучше - это когда ребёнка заставляют молчать и терпеть, как лучше - это когда муж важнее родной крови.

17

Лера

Я паркуюсь у знакомого здания. Районная больница, куда привезли отца. Серые стены, запах хлорки, плач в приёмном покое. Я захожу внутрь, меня пропускают без очереди, даже в огромных городах неотложку в каждой больнице знают.

- Валерия Сергеевна? - молодой врач с уставшими глазами смотрит на меня. - Ваш отец в реанимации. Давление нестабильное, ЭКГ не очень, подозрение на инфаркт. Есть неврологическая симптоматика. Мы его стабилизируем, но сами понимаете, что есть места, где ему будет лучше.

- Куда? - спрашиваю, хотя уже знаю ответ.

- В областной центр. В «семёрку». Там и кардиологи, и хирурги. Я вам обещаю, смотрим, как за своим, но...

Я закрываю глаза.

- Я договорюсь, - говорю твёрже, чем чувствую.

Нужно две секунды, чтобы собраться. Но ради отца и в клетку с тигром пойдёшь, а тут всего лишь Игорю позвонить.

Я опускаюсь на пластиковый стул. Плечи трясутся. Я не плакала даже в ту ночь, сейчас слёзы текут сами, я не могу их остановить. Больше всего на свете я сейчас хочу, чтобы меня кто-то обнял и сказал, что всё будет хорошо. Но рядом - никого. Только стерильный коридор и чужое горе.

Входная дверь открывается, и я вижу его. Игорь почти бежит ко мне. Он быстро идёт ко мне, смотрит на моё лицо, на слёзы.

- Лера…

- Он умрёт, - говорю я, голос ломается. - Он такой же дурак, как ты. Не ходил к врачам, терпел, думал, что пройдёт. А теперь…

Игорь подходит ближе. Осторожно, как к раненой.

- Не умрёт. Я не дам.

-Ты не Бог, - я смотрю на него.

- Ты права, но я могу многое, - тихо говорит он и протягивает руки. Не спрашивает разрешения. Просто берёт меня за плечи и притягивает к себе.

Я замираю. Всё внутри кричит: оттолкни, уйди, не верь. Но тело не слушается. Я утыкаюсь лицом ему в грудь и рыдаю. Громко, по-детски, как тогда, десять лет назад, когда мы были молодыми и верили, что вместе всё преодолеем.

- Лера, - говорит он, гладит по голове. - Лер, тихо. Я всё сделаю. Сейчас приедет реанимобиль, забираем папу, переводим к нам. Я сам поведу операцию, если нужно. Только не плачь.

Я отталкиваю его. Руками упираюсь в грудь. Он не отпускает.

- Не надо, - шепчу я. - Не играй в спасителя. Я не твоя пациентка.

- Ты моя жена, - говорит он. - Даже если ты считаешь иначе. И твой отец - моя семья. Давай, не сейчас.

Он прав. Это бесит, но он прав.

Я вытираю лицо, киваю.

- Жди здесь. Я переговорю с врачом, подпишу документы. Реанимобиль через десять минут.

Он уходит. Я остаюсь одна, прислоняюсь спиной к стене. Смотрю на дверь реанимации.

Через двадцать минут отца выкатывают. Он бледный, как простыня, глаза закрыты, вокруг - провода и капельницы. Я сжимаю его холодную руку.

- Пап, ты слышишь меня? Всё будет хорошо. Слышишь? Я с тобой.

Он не отвечает. Но пульс на мониторе есть.

- Он под седацией, все будет хорошо.

Игорь рядом. Он разговаривает с врачом из «семёрки», организует перевод, подписывает бумаги. Машина уже ждёт на улице.

Мы загружаем отца. Я хочу ехать вместе, но Игорь мягко берёт меня за локоть:

- Садись в мою машину. Поедем за реанимобилем. Ты нужна там, где я.

Я молча сажусь. Он ведёт аккуратно, но быстро. Всю дорогу молчит. Я смотрю в окно.

Приезжаем в «семёрку». Отца забирают прямо в операционную. Игорь на ходу надевает халат, шапочку, перчатки. Оборачивается на секунду:

- Жди здесь.

- Игорь, - говорю я. Он останавливается. - Спасибо.

Он кивает и исчезает за дверью.

Я падаю на стул в коридоре. Мимо бегают медсёстры, кто-то зовёт меня на подпись, я всё делаю на автомате. Рядом мама, какая-то взбудораженная, растрёпанная, жалкая. Может, это момент, когда нам надо друг друга поддержать?

- Лера! - Мама смотрит на дверь, шепчет что-то — наверное, молитву.

Потом переводит взгляд на меня. Тяжёлый, долгий, с укором.

- Вот видишь, - говорит она тихо. - Нормальный мужик. Приехал, договорился, отца спасает. А ты что? Из-за бабы вот эти истерики и бунт устроила, довела отца до инфаркта.

Я смотрю на неё. Нет, не верю.

- Мам, ты что сейчас сказала?

- То и сказала. Игорь - хороший муж, хороший зять. Любит тебя, терпит выходки. А ты нос воротишь. Сама виновата, кого из мужа строишь. Вот отец и слёг, думаешь, он не переживает, не думает, как твою жизнь поправить?

Я встаю. Медленно, чтобы не закричать.

- Мама, папа лежал с давлением двести, потому что он тридцать лет не лечит гипертонию. Потому что курит, выпить не дурак, а закусывает жареным салом. И я ни при чём.

- Ах, ни при чём? - мама повышает голос. - А кто скандал закатил? Кто ушла из дома? Он ведь пришёл, просил прощения, цветы нёс. А ты нет, я гордая. А теперь смотри, что сделала.

- Так вот, значит, как, - я сжимаю кулаки. -Любой ценой сохранить семью. Даже если эта цена - моя жизнь. Даже если я в ней как приложение. Папа изменял тебе, да? Скольких ты знаешь? А ты терпела. Ради чего? Ради статуса, ради квартиры, ради того, чтобы люди не говорили? И теперь ты хочешь, чтобы я повторила твой путь?

- Лера, прекрати! - она вскакивает.

- Нет, не прекращу. - я смотрю на неё в упор. - Смотрю на вас с папой и понимаю, почему я не хочу детей. Я не хочу ребёнка, который будет расти в доме, где ложь считается нормой. Где мужчина всегда прав, даже когда он подлец. Где женщина должна молчать и терпеть. Если у взрослых с головой не очень, то дети не виноваты. Я не буду плодить несчастных детей, мама.

Мама открывает рот, но не говорит ничего. Глаза наполняются слезами, она садится обратно на стул, закрывает лицо руками. Я не трогаю её.

Через час выходит медсестра:

- Операция прошла успешно. Ваш отец в реанимации. Игорь Петрович просил передать, что всё хорошо.

Я выдыхаю.

Мама смотрит на меня, но больше ничего не говорит.

18

Я везу маму домой. Она сидит рядом, смотрит в окно, не говорит ни слова. Я тоже молчу. В машине тишина такая плотная, гнетущая.

Терпеть не могу это состояние, как будто мне снова пять и я расстроила маму проступком. Она могла неделю молчать, молча ставила тарелку с супом и выходила из комнаты.

По спине бегут мурашки, горько во рту! Хватит надо мной издеваться!

- Валерия, может, чай? Останешься у меня? - спрашивает, когда подъезжаем к их дому.

- Нет, - отвечаю сухо.

Она выходит, не попрощавшись. Хлопает дверью. Я смотрю, как она идёт к подъезду, сгорбленная, маленькая. Мне хочется выбежать, догнать, обнять. Но ноги не слушаются. И горло сжато.

Я отъезжаю. Паркуюсь у обочины через дом. И тут меня накрывает.

Слёзы текут сами. Не всхлипы, не истерика - просто вода из глаз. Я утыкаюсь лбом в руль.

- Господи, как я устала, - шепчу в пустоту. - Как я устала.

От всего! От папы, который лежит в реанимации. От мамы, которая винит меня. От Игоря, который вдруг стал героем. От себя - дуры, которая до сих пор не может его выбросить из головы, от этой работы, где надо спасать всех, а себя некому.

Дыхание перехватывает. Сердце колотится где-то в горле, как загнанная птица. Я открываю окно - холодный воздух бьёт в лицо, но не помогает. Руки немеют. Всё плывёт.

Паническая атака. Чёрт. Я знаю эти симптомы, но когда они накрывают тебя, всё равно страшно.

- Дыши, Лера, дыши, - говорю себе вслух. - Вдох на четыре, задержка, выдох на восемь. Ты врач. Ты справишься.

Минута, вторая. Пульс постепенно выравнивается. Я закрываю глаза, прислоняюсь к сиденью. Пот льётся по спине, хотя на улице плюс.

"Плохо мне, - понимаю. - Очень плохо. Если так дальше пойдёт, я следующая в реанимацию".

Я завожу машину, еду снова к отцу. А потом надо что-то решать.

Я поднимаюсь в реанимацию. Дежурная медсестра пропускает меня на минуту.

Отец лежит с закрытыми глазами. Мониторы пищат ровно. Давление сто на семьдесят, пульс восемьдесят - стабильно.

- Он спит, - говорю я себе. - Это хорошо. Сон восстанавливает.

Сажусь на стул рядом. Беру его руку - тёплую, сухую. Жив.

Через полчаса выхожу в коридор. Голова гудит, хочется кофе, но автомат снова сломан.

- Валерия Сергеевна.

Я оборачиваюсь. Марина. Стоит у поста, скрестив руки. На ней так хорошо сидит медицинская форма, волосы собраны в хвост.

- Что вам нужно? - голос мой звучит устало.

Она подходит ближе, останавливается в шаге. Говорит тихо, чтобы никто не слышал.

- Зря вы на меня окрысились. Честно, думали, я разлучница, стерва, разрушительница. А я сама - дура слепая была.

Я молчу, жду, что дальше.

- За вашим отцом сегодня присмотрю, - она кивает на палату. - На смене я. Буду заходить каждые полчаса, не беспокойтесь.

- С чего вдруг такая забота? - спрашиваю с подозрением.

Марина смотрит на меня, как на дуру. Это же ее работы, зачем я только спросила.

- С того, что я не зверь. Я, вообще-то, врач, или вы забыли? Училась, сдавала экзамены, ночи не спала. Не ради того, чтобы мужиков уводить. А вы меня сразу в шлюхи записали. Игорь ваш... - она делает паузу, смотрит в пол. - С Игорем это была небольшая интрижка, больше шума и сплетен. Честно? Он не настолько хорош, чтобы я из-за него карьерой и репутацией рисковала.

Я смотрю на неё. Впервые вижу не "девицу из ординаторской", а живого человека, но хорошо относится мне все равно к ней не за что.

- Вы ему верите, Валерия Сергеевна? - спрашивает вдруг. - Верите, что у нас с ним любовь? Я нет, просто... захотела внимания, а он дал. И всё.

- Зачем вы мне это говорите?

Она пожимает плечами.

- Не знаю. Наверное, чтобы вы перестали думать, что я враг. Я не враг, просто ошиблась. Как и вы. Только вы за десять лет, а я за месяц.

Тишина. В коридоре кто-то идёт, катят каталку.

- И ещё, - Марина поднимает глаза. - Не жалко мне вас. Совсем. Потому что всё это вам по делам. Он вам изменял и до меня, я уверена. А вы глаза закрывали, вот и получили. Своими руками вырастили монстра, а теперь плачете.

Слова бьют наотмашь.

- Вы кто такая, чтобы мне это говорить? - шепчу я.

Марина разворачивается.

- За отцом присмотрю, не бойтесь. А с Игорем разбирайтесь сами, меня больше нет в этой игре.

Она уходит. Я остаюсь в коридоре, прислоняюсь к стене.

Она права? В чём-то да.

Выхожу из больницы. Сажусь в машину. Еду домой, в нашу квартиру. Надо думать, что делать дальше - продать, разменивать. Может, у Игоря есть заначка, о которой я не знаю, и он мне отдаст деньги. Уеду в крохотный город и все начну с нуля.

Еду домой, Игорь наверняка еще на работе. У него теперь есть новый повод гордости - спас отца нерадивой жены.

Ключ в замке поворачивается легко. Я захожу, зажигаю свет. Но на пороге замираю.

Женская обувь. Туфли на шпильке, бежевые, чужие. Стоят аккуратно рядом с его обувью.

Похожу в комнату не разуваясь, не думала, что Игорь такой неразборчивый секс-символ, и что к нему очередь из баб.

Делаю шаг. Заглядываю за угол. На кровати поверх одеяла лежит практически обнаженный Игорь. Рядом с ним, спиной ко мне, спит голая девушка.

- Какая встреча! Муж, да у тебя очередь из страждущих, - закусываю губы, ищу рукой что-нибудь тяжелое, чтобы в него кинуть. - Как ты мог кого-то домой притащить.

- Лера...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.